

**«Дестан» Хабибуллы Керема о бахчисарайской бане
и медресе Зынджирлы
(по рукописи «Гунча-и эфкар» ИВР РАН D 316)**

И.В. ЗАЙЦЕВ

Институт востоковедения РАН
Москва, Россия

DOI: 10.55512/WMO692171

Статья поступила в редакцию 12.05.2025.

Аннотация: В статье публикуются крымскотатарский текст и перевод на русский язык стихотворения бахчисарайского поэта Хабибуллы Керема (ок. 1848 — 1913) по автографу, хранящемуся в ИВР РАН (D 316). Стихотворение посвящено широко обсуждавшемуся на рубеже XIX–XX вв. вопросу о доходах на содержание медресе Зынджирлы (основано в 1500 г. ханом Менгли-Гиреем в предместье Бахчисарая).

Ключевые слова: Хабибулла Керем, медресе Зынджирлы, крымскотатарская поэзия, история крымских татар, А.Н. Самойлович.

Благодарность: Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 25-18-00781 «Словарь исламской книжности и книжников России».

Для цитирования: *Зайцев И.В.* «Дестан» Хабибуллы Керема о бахчисарайской бане и медресе Зынджирлы (по рукописи «Гунча-и эфкар» ИВР РАН D 316) // Письменные памятники Востока. 2025. Т. 22. № 4 (вып. 63). С. 234–242. DOI: 10.55512/WMO692171.

Об авторе: ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник, Центр исламских рукописей им. Шейха Зайеда, Институт востоковедения, Российская академия наук (Москва, Россия) (izaycev@orientmuseum.ru). ORCID: 0000-0002-9862-8511.

© Зайцев И.В., 2025

В 1913 г. выдающийся отечественный тюрколог А.Н. Самойлович встретился в Бахчисарае с самобытным крымскотатарским поэтом и певцом Хабибуллой Керемом (ок. 1848 — 1913). Последний познакомил ученого со сборником своих стихов под названием «Гунча-и эфкар» («Бутон мыслей»). А.Н. Самойлович намеревался издать достойные внимания стихотворения и вернуть сборник автору (Самойлович 1913). Однако в том же году 20 июля Керем скончался, и его рукопись (значительная часть которой — автограф самого поэта) осталась в Санкт-Петербурге. Несколько стихотворений (в переводах на русский язык целиком и в отрывках) были напечатаны А.Н. Самойловичем в статье о Кереме, вышедшей в том же, 1913 г.

После этого о Кереме надолго забыли. Только относительно недавно неутомимый Исмаил-оджа Керим посвятил ему большую статью, в которой, в частности, напечатал в кириллической графике текст авторского предисловия к «Бутону мыслей» по Санкт-Петербургской рукописи (которое когда-то перевел на русский А.Н. Самойлович) (Керим 2019: 96–101).

Насколько я знаю, творчество Керема в дальнейшем не привлекало отдельного внимания исследователей, а тексты стихотворений не публиковались.

Эта статья посвящена тексту одного из неизданных «дестанов» «Бутона мыслей» — стихотворению о знаменитом медресе Зынджирлы и бане в бахчисарайском предместье Салачик. Это стихотворение не только прекрасный образчик стиля Керема, но и своего рода незаурядный исторический источник о медресе и жизни Бахчисарая начала XX в.

Для того чтобы лучше понять это произведение и установить время его создания, необходимо многое сказать о его авторе. Керем был не просто летописцем родного города — «бахчисарайским бытописателем», как назвал его А.Н. Самойлович, но и, как мы хорошо знаем, весьма равнодушно относился к состоянию его исторических памятников и в своих стихах обращал внимание современников на надписи-*тарихи*, необходимость ремонта зданий и пр. (Керим 2019: 103). В первой части «Бутона мыслей» автор сетует на упадок ханского медресе, запущенность кладбища, усыпальницы Гази-Мансур, неурядицы в преподавании в Зынджирлы, выражает благодарность тем, кто пожертвовал средства на обновление мечети, и пр. (Самойлович 1913: 207).

Но Керема не стоит считать исключительно местечковым, погруженным в сонную бахчисарайскую жизнь обывателем. Он не был чужд и политических пристрастий и предпочтений. Так, его имя, например, есть среди имен жителей Бахчисарая, 22 февраля 1907 г. направивших в адрес Председателя II Государственной Думы приветственную телеграмму с напутствиями и пожеланиями. В ней, между прочим, были и такие строки: «Ныне, основываясь на Ваших словах, и в уверенности, что уравнение в правах и обязанностях всех народностей, населяющих Россию, ляжет краеугольным камнем в основание нового государственного строя России, мы, мусульмане города Бахчисарая, составляющие часть многомиллионного татарского народа, живущего в России, приветствуя Государственную Думу, убежденно заявляем, что только общегражданское равенство всех, без различия вероисповедания, национальности и происхождения, будет служить действительным и гуманнейшим средством к духовному сближению татарского населения с русским народом и усвоению нами русской культуры» (Зайцев 2015: 124).

Итак, Керем — татарский патриот, но при этом, судя по его стихам, верноподданный гражданин, совершенно далекий от ксенофобии. Он близок по своим настроениям Исмаилу Гаспринскому, которого неоднократно превозносит в своих стихах. Это бахчисарайский летописец, болеющий душой за состояние памятников старины и живо откликающийся в своем творчестве на беды и радости родного города.

Теперь попробуем выяснить, когда Керем сочинил этот дестан. Для начала стоит сказать, что он не мог быть написан после 1908 г., когда к обеим частям «Бутона мыслей» было составлено предисловие (Самойлович 1913: 207), а скорее всего и после 1905 г., поскольку предыдущее стихотворение посвящено царскому указу «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Но можно предположить и более точную дату. Для этого нужно углубиться в историю медресе, в особенности в его

имущественные и денежные дела, поскольку о них, среди прочего, идет речь в стихотворении.

Зынджирлы (букв. «Цепное») — медресе, учебное заведение, учрежденное и построенное ханом Менгли-Гиреем I (1478–1515) около 1500 г. в предместье Бахчисарая — Салачике (ныне ул. Басенко, 57)¹. Оно получило свое современное название от слова «зынджир» («цепь»): подвешенная над входной, открывавшейся внутрь дверью железная цепь заставляла каждого, кто входил в храм мудрости, почтительно склонять голову. Название «Зынджирлы» является поздним и возникло, скорее всего, не ранее начала XIX в. (документы XVII–XVIII вв., в том числе реестр 1200 г.х./1785–86 гг., называют медресе по имени его основателя — «медресе Менгли-Гирея») (Зайцев 2016: 36–42).

Тарих над входом в здание, который упоминает Керем, гласит: «Приказал построить это медресе с помощью Бога, обладателя щедрости, Менгли-Гирей-хан, сын Хаджи-Гирей-хана, да сделает Бог его царствование вечным. Год 906».

В стихотворении говорится и о вакфах медресе. Действительно, медресе Зынджирлы обладало многочисленным вакуфным имуществом. В начале XVII в. Гази-Гирей передал в вакф лавку, дом и кофейню в Гёзлеве, доход от которых предназначался для мударриса «медресе Менгли-Гирея». Вакуфным доходом в то время покрывались и нужды учеников.

Основой финансового благосостояния медресе были вакуфные земли (около 5 тыс. десятин) при деревне Улукул, в 25 верстах от Бахчисарая, на западном побережье. Данные о количестве земель медресе разнятся. В документах фигурирует цифра в 4500 десятин (4534 десятины 985 сажень). Абляким Ильми в 1909 г. писал, что медресе имеет 800 десятин вакуфной земли в д. Улукул. Причем по договору половина дохода идет на содержание учащихся, а половина — в пользу медресе. Годовой доход, по его сведениям, составлял 20 тыс. руб., причем, если улучшить земли и управление, доход мог возрасти в несколько раз. Часть денег с вакуфных земель шла на содержание мавзолея Хаджи-Гирея. В 1909 г. доход с вакуфов Зынджирлы составлял 12 тыс. руб., в то время как расходы превышали 14 тыс. руб.

По преданию, в *вакф-наме* Зынджирлы было оговорено, чтобы муфтии Крыма одновременно являлись бы и мударрисами этого учебного заведения. В 30-х годах XIX в. это вызвало трения между тогдашним мударрисом Зынджирлы Муслимом-эфенди (отцом Аджи Абибуллы-эфенди) и муфтием Крыма Сеидом Абдуль-Джемилем. В результате подлинное *вакф-наме*, по всей видимости, было утрачено. В российский период мударрис Зынджирлы избирался из числа достойных кандидатов на мирском сходе прихода (например, в 1888 г. это были представители 106 домохозяйств), а затем утверждался Таврическим магометанским духовным правлением (ТМДП). Об этом тоже говорится в стихотворении.

Вакуфными доходами распоряжался *мутавали* (смотритель), который назначался мударрисом из числа учеников (с 1883 г., например, это был Аджи Абдул-Азис-эфенди Афус Ариф-эфенди-оглу) и находился под наблюдением уездного кадия. Впоследствии мутавали начали утверждать высочайше учрежденной комиссией о вакуфах в Симферополе.

Вакуфный доход распределялся в 1880-х годах следующим образом: половину получал мударрис, из второй половины выдавалось ученикам от 5 до 15 руб. в год. Не-

¹ Об истории медресе см. подробнее (Зайцев 2024: 40–43).

большая часть выделялась мударрису на ремонт здания и стоящего рядом мавзолея Хаджи-Гирея, однако ремонт не производился. Когда в 1893 г. директор народных училищ спросил тогдашнего мударриса Зынджирлы Аджи Абибуллу-эфенди, не слишком ли много он получает в год (7000 руб.!) за 1–2 урока в день, то получил такой ответ: «Один мулла во всей России столько получает, и все об этом говорят, а сколько в России людей получает гораздо больше, и никто об этом ничего не говорит».

В 1868–1871 гг. в медресе преподавал Исмаил Гаспринский. После смерти в 1885 г. мударриса Муртазы-эфенди Абдулькерим-эфенди-оглу на эту должность в декабре 1888 г. был избран Джемалетдин-эфенди Исаметдин-эфенди-оглу из деревни Кырк Евпаторийского уезда, однако он не был утвержден в должности ТМДП. В 1889 г. мударрисом Зынджирлы (и одновременно муэдзином мечети прихода Баба-Курт) был избран Аджи Абибулла-эфенди Мюсюм-эфенди-оглу (?–20.03.1895), занимавший к этому времени более 20 лет должность хатыба в деревне Дереккой Ялтинского уезда. Этот выдающийся деятель национального образования крымских татар происходил из семьи потомственных мударрисов медресе Зынджирлы (эту должность занимал в 1830-х годах его отец, а затем и брат). По словам Исмаила Гаспринского, он являлся «лучшим муллой Крыма как по знаниям, так и по умственному развитию». Занимал должность хатыба мечети Хан-Джами в Бахчисарае и мударриса в медресе этой мечети. Аджи Абибулла-эфенди приступил к своим обязанностям в декабре 1890 г. Он провел в медресе комплексную реформу: привел в порядок вакуфные дела, унифицировал распорядок дня, питание и гигиену общего проживания учащихся, ввел униформу, ограничил число *сохт* (учащихся медресе), изменил методику обучения и методики, организовал при медресе библиотеку (пожертвовав в нее почти 800 собственных книг). В 1890 г. Аджи Абибулла-эфенди составил *селеф* (кодекс), который мог стать основой реформирования всех крымских медресе. Зынджирлы было отремонтировано. Деятельность Аджи Абибуллы-эфенди уже летом 1891 г. вызвала резкое неприятие у части бахчисарайских жителей (50 человек духовного звания и купцов), прежде всего нарушением формальных условий вакфа: новый мударрис, например, не брал более 60 сохт, когда как по *мешруту* (условиям) их число не было ограничено. В прежние времена число сохт, обучавшихся на вакуфные деньги, доходило до 200. Недовольство вызвало также изменение учебного плана медресе: жалобщики считали, что учебный план низвел медресе до уровня мактаба. В Зынджирлы в 1891 г. обучался 71 человек в возрасте от 11 до 30 лет — это максимальное количество, которое могло вместить здание. В защиту Аджи Абибуллы-эфенди выступили авторитетные религиозные деятели Бахчисарая, шейхи, мударрисы и имамы (например, имамы Ени-Джами, Хан-Джами и др.), всего 78 человек. В марте 1892 г. в представлении и.о. Таврического муфтия Хаджи Али-эфенди указывалось, что сохты были разделены в Зынджирлы на четыре отделения. Это противоречило правилам, согласно которым в медресе должно было быть пять классов и сохты в четвертом классе должны были изучать еще арабскую словесность, *тафсиры*, *фараиз* (наследственное право), *адаб* и правила стихосложения. В пятом классе должны были изучать *калам*, *акаид*, теорию шариата и космографию. «Всем этим наукам, — писал Али-эфенди, — должны учиться сохты в течение года, смотря по степени их образованности, а не ожидать, когда заблагорассудится мударрису назначить для этого время, так как сохты, окончившие образование в другом медресе, являются в медресе Зынджирлы не для повторения, а для продолжения образования». В результате разбирательства ТМДП с 21 но-

ября 1891 г. отстранило от преподавания помощника мударриса, подданного Османской империи Афуза Амета Аджи Ариф-оглу (который был племянником действующего и сыном бывшего мударриса Зынджирлы). Основываясь на донесениях уездных кадиев, ТМДП заявило, что введением новых порядков мударрис изменил волю основателя медресе Менгли-Гирея I, что преподавание там наук ограничено и что медресе и впредь должно существовать на старых основаниях и порядках.

10 марта 1892 г. за медресе вступился Исмаил Гаспринский, написавший в ТМДП письмо, в котором были такие строки: «Что же касается права мударрисов принимать те или др. меры в видах улучшения образа школьной жизни, чистоты и порядка преподавания, то в законе нет на это прямого указания, но право это вытекает из существования их обязанностей. Медресе и учащиеся предоставляются знанию, радению и совести мударриса, без каких-либо регламентаций. Раз это так, то он не только вправе, но он обязан улучшать, совершенствовать свое дело и свою школу с тем лишь, чтобы его руководство не вело к плохой нравственности или прекращению учения и деятельности медресе. За сим наблюдает Духовное правление.

В данном случае, смею думать, все дело сводится не к праву Духовного правления или мударриса, а к оценке полезности мер, принятых мударрисом и не одобряемых Духовным правлением. Меры эти выработаны были мной при участии Абибуллы-эфенди, а потому не мне входить в их оценку, но, прилагая печатный экземпляр этих правил, смею надеяться, что они не будут лишены сочувствия, как попытка необходимой реформы» (Зайцев 2024: 40–43).

В марте 1895 г. Аджи Абибулла, будучи в преклонном возрасте, после продолжительной тяжелой болезни скончался в Бахчисарае. Похоронен он был на кладбище возле медресе Зынджирлы. Вопрос о его преемнике и в целом о благоустройстве медресе вновь остро встал на повестке дня.

Так, 7 мая 1895 г. бахчисарайская газета «Терджиман/Переводчик» сообщала своим читателям: «На состоявшемся несколько дней тому назад собрании многих выдающихся улемов и других лиц г. Бахчисарая решено просить об установлении, согласно шариату, некоторых правил, касающихся к благоустройству Бахчисарайского Зинджерлы медресе. В одном из следующих номер[ов] будут напечатаны проектируемые правила, и мы надеемся, что они будут встречены всеми вполне сочувственно»².

18 февраля 1896 г. газета «Терджиман» сообщала: «В Бахчисарайском медресе Зинджерлы обучение идет под наблюдением временного мудериса Афуз Эфенди. Выборы указного мудериса, вероятно, будут летом.

Помощник мудериса, он же библиотекарь Ахмед Гадий, и Мустафа Эфенди успешно ведут преподавание»³. Вели занятия в медресе и представители казанских татар: так, арабскую грамматику преподавал некоторое время Ахмет Гадий Максудов⁴.

Таким образом, как видим, споры вокруг должности преподавателя Зынджирлы, вакфа в Улукуле и пр. велись более или менее постоянно. Однако было несколько случаев, когда эти споры стали особенно громкими и отразились даже на страницах периодической печати. Это конец 1880-х годов (перед приходом на должность Аджи Абибуллы) и время после его кончины в марте 1895 г.⁵.

² Терджиман/Переводчик. 1895. № 18. С. 43.

³ Терджиман. 1896. № 7 (18 февраля). С. 26.

⁴ Терджиман. 1896. № 33 (25 августа). С. 125.

⁵ «Несмотря на глухой ропот людей непонимающих, он положил начало учебной реформе и примером своим возбудил среди мусульман вопрос огромной важности» (некролог в газете «Терджи-

Дестан Керема о медресе, должности его руководителя и доходах, которые идут на его содержание с бани и земель при деревне Улукул, погружает нас в сложную обстановку вокруг бахчисарайской достопримечательности, которая в сознании крымских татар к тому времени уже превратилась в святыню и важнейший исламский символ полуострова. Текст дестана, я полагаю, мог быть написан как раз в один из дней, когда бахчисарайские жители жарко обсуждали судьбу медресе и его мудерриса: это мог быть самый конец 1880-х годов или же весна 1895 г.

Дестан о Зынджирлы печатается по автографу Керема — рукописи ИВР РАН D 316⁶ (с. 29–30). Он переписан автором синими чернилами. На полях имеются редкие карандашные пометки А.Н. Самойловича, касающиеся чтения некоторых слов (преимущественно русских: «сажень», «десятина», «караимский раввин»). Видимо, именно Самойлович дал этому стихотворению порядковый номер 25 в общем счете стихов Дивана, а также приписал в начале текста: «Баня Менгли-Гирея теперь принадлежит караимам». Еще одно его пояснение касается названия уже известной нам деревни Улукул, где находились вакфные земли медресе.

Конечно, А.Н. Самойлович был прав, когда писал, что в произведениях Керема содержание господствует над формой: «Керем — больше мыслитель и проповедник, чем поэт и стихотворец. Метром и рифмой Керем владеет слабо, и со стороны формы его произведения заставляют желать очень многого. Язык Керема — полулитературный крымско-татарский, весьма близкий к городскому разговорному наречию» (Самойлович 1913: 209). Всё это так — действительно, поэт использовал излюбленные народные жанры и размеры, но все же не был чужд и чисто книжных классических приемов, вроде обязательного помещения в последней строке (*мисра*) произведения своего поэтического псевдонима — Керем («добрый, любезный»). Это прозвище было дано ему горожанами за необыкновенную услужливость.

Текст

طقوز يوز هجرية ده قورولمشدر بناسى
 قپوسينك اوستنده كسمه طاشده يازوسى
 فرق سازين صره سنده واردر مدرسه سى
 جنت مكان منكلى كراى خان بونك بانيسى
 ياپمشدر مدرسه يى كله جك بونك مدرسى
 بو مدرسه نك مدرسينك اولاجق كچنمه سى
 اكلاشيلان حمامك كليرى مدرسك كچنمه سى
 شيمدى دندى غربا يه يقبيله جق مدرسه سى
 ايچروسنده نه سوخته وار نه ده مدرسى
 كيم كلور كه حزمه ايدنه البت لازم كچنمه سى
 تعجب بوراسى شيمدى حمام بيوره در كار انيم اربه سى

ман»). Авторитет Аджи Абибуллы-эфенди был весьма высок и за пределами Крыма (после его кончины редакция «Переводчика» получала сочувственные отклики из Астрахани, Ростова-на-Дону и других городов империи). См.: Терджиман. 1894. 3 апреля; Терджиман. 1895. 26 марта (некролог); Государственный архив Республики Крым. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 8283; Там же. Ф. 27. Оп. 3. Ед. хр. 25.

⁶ Информацию о рукописи см. (Дмитриева 2002: 357–358). Частичный перевод текста см. (Самойлович 1913).

نصل اولمش نصل كچمش سوال ايدين يوق بريسي
 اوچ بش سنه كيدراسه بيقييلور كيدر مدرسه سي
 سنه بسنه آلتى يوز روبله كلور حمامك كيراسى
 بونك قدركلور ايله كچينه بيلو رد مدرسى
 لازمدر بوكا غيرت ايتمك بر قريمك اهاليسى
 نصل اولمش نره دن آلمش بونى كار ائيم اربه سي
 باشيمز اولورسه بويله ايشه بولوردى چاره سي
 ايرته ايشدر اولسه بيله واردر كننيكته يازوسى
 همده بونك اولوغ قول صوخته يرنده واردر حصه سي
 آكلاملى بوندى بويله بش يوز دن فضلده ساتناسى
 آرانله اى ديند شلر بولنوردى بونك چاره سي
 جنت مكان منگلى گراى امر ايتمش ياپلسون بناسى
 البيت بوكا براقمشدر كچنمك ايجون مدرسى
 بللى ايشدر زنجيرلى مدرسه نك مدرسنك كچنمه سي
 دكل تك بر مدرسى وهم ده يوزلر ايله طلبه سي
 چاره بولور دعا كرم باش اولورسه دوخوونى اوپراوله نياسى
 تمت تمام

Перевод

Здание его основано в девятисотом году хиджры.
 На резном камне над его воротами — надпись.
 Длина медресе — сорок саженей.
 Основатель его — обитатель Рая хан Менгли-Гирей.
 У этого медресе должен быть мюдеррис.
 Будет назначение мюдерриса этого медресе.
 А ведь средство существования мюдерриса — наверное, доход от бани!
 Сейчас он изменился, там смогут мыться чужаки⁷.
 А в медресе ведь и учащиеся [сохта], и мюдеррис!
 Конечно, им для исполнения обязанностей нужно содержание.
 Удивительно, но теперь в этом месте баня у караимского раввина!
 Были поколения, прошли поколения, нет никого, кто задал бы вопрос.
 Если пройдет так еще три-пять лет, то и медресе развалится.
 Год за годом по шестьсот рублей идет на эту банную грязь.
 С таким доходом, как этот, мюдеррис бы жил [хорошо].
 Нужно стремиться к этому, народ Кырма!
 Были поколения, но откуда взял это караимский раввин?
 Если наши начальники допустят это, найдут средство избежать,
 Даже если это дело прежнее. Ведь и в книгах записано,
 Что это то, что выделено в Улу-Куле для сохта.
 Нужно понимать впредь, [что это] больше пятисот десятин!
 Для этого нужно бы найти средство, которое не противоречит религии.
 [Ведь] пребывающий в раю Менгли-Гирей приказал, чтобы здание было построено,
 Конечно, он оставил его для того, чтобы был [там] мюдеррис,

⁷ Gureba ykayabilecek(?). Это место мне осталось не совсем понятным.

Это известное дело. Должность мюдерриса медресе Зынджирлы,
 А не один только мюдеррис вместе с сотнями учащихся...
 Если возносить добрые молитвы, Духовное управление найдет способ.
 Конец

Литература

- Дмитриева 2002 — *Дмитриева Л.В.* Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Вост. лит., 2002.
- Зайцев 2015 — *Зайцев И.В.* Телеграмма жителей Бахчисарая в адрес Второй Государственной Думы (1907 г.) // *Tatarica: History and Society*. Вып. 5. Казань, 2015. С. 119–126.
- Зайцев 2016 — *Зайцев И.В.* Рукописи медресе Зынджирлы и его первоначальное название // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения», посвященной 515-летию Зынджирлы медресе и памяти его основателя Менгли Герай хана (Ялта, 10–12 октября 2015 г.). Симферополь: Терджиман, 2016. С. 36–42.
- Зайцев 2024 — *Зайцев И.В.* Зынджирлы // Ислам в Крыму. Энциклопедический словарь. М.: Медина, 2024 (Серия: Ислам в Российской Федерации. Вып. VIII). С. 40–43.
- Керим 2019 — *Керим И.А.* «Помощь твоя, если творишь ты добрые дела» (Посвящается творчеству Хабибуллы Керема (1848–1913)) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 96–109 (на крымскотатарском языке).
- Самойлович 1913 — *Самойлович А.Н.* Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла-Керем // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. № 50. С. 205–221.

References

- Dmitrieva, Liudmila V. *Katalog tiurkskikh rukopisei Instituta vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk* [A Catalogue of Turkic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002 (in Russian).
- Kerim, Ismail A. “‘Pomoshch’ tvoia, esli tvorish’ ty dobrye dela’ Posviashchaetsia tvorchestvu Khabibully Kerema)” [‘Your Help if You Do Good Deeds’ (Dedicated to the Work of Habibulla Kerem (1848–1913))]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review], 2019, no. 1, pp. 96–109 (in Crimean Tatar).
- Samoilovich, Alexander N. “Bakhchisaraiskii pevets, poet, letopisets i meteorolog Khabibulla-Kerem” [The Bakhchisarai Singer, Poet, Chronicler and Meteorologist Habibulla-Kerem]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission], 1913, no. 50, pp. 205–221 (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “Rukopisi medrese Zyndzhirly i ego pervonachal’noe nazvanie” [The Manuscripts of Zincirli Madrasa and Its Original Name]. In: *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Islamskoe obrazovanie v Krymu: istoricheskie vekhi i puti vozrozhdeniia, posviashchennoi 515-letiiu Zyndzhirly medrese i pamiati ego osnovatelia Mengli Gerai Khana* [A Collection of Materials of the International Scholarly and Practical Conference “Islamic Education in Crimea: Historical Milestones and Ways of Revival”, Dedicated to the 515th Anniversary of the Zincirli Madrasa and the Memory of Its Founder Mengli Giray Khan (Yalta, October 10–12, 2015)]. Simferopol: Terdzhiman, 2016, pp. 36–42 (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “The Telegram on Behalf of Bakhchisarai Residents, Addressed to the Second State Duma (1907)”. *Tatarica: History and Society*, 2015, vol. 5, pp. 119–126, Kazan (in Russian).
- Zaitsev, Ilya V. “Zincirli”. In: *Islam v Krymu. Entsiklopedicheskii slovar’* [Islam in Crimea. An Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Medina, 2024 (Series: Islam v Rossiyskoi Federatsii. Vyp. VIII) [Series: Islam in the Russian Federation. Issue VIII], pp. 40–43 (in Russian).

**Habibulla Kerem's *Destan* on the Bakhchysarai Bathhouse
and the Zincirli Madrasa (Based on the *Guncha-i Efkar* Manuscript
IOM RAS D 316)**

Ilya V. ZAYTSEV

Institute of Oriental Studies RAS
Moscow, Russian Federation

Received 12.05.2025.

Abstract: The article publishes the Crimean Tatar text and a Russian translation of the poem by the Bakhchysarai poet Habibulla Kerem (c. 1848–1913) based on an autograph kept at the Institute of Oriental Manuscripts RAS (shelf-mark D 316). The poem is dedicated to the widely discussed issue of income for the maintenance of the Zincirli (Zinjirli) madrasa (founded in 1500 by Mengli Giray Khan in the suburbs of Bakhchysarai) at the turn of the 19th–20th centuries.

Key words: Habibulla Kerem, Zincirli madrasa, Crimean Tatar poetry, history of the Crimean Tatars, Alexander N. Samoilovich.

Acknowledgements: The article is written within the framework of the Russian Science Foundation project No. 25-18-00781 “Dictionary of Islamic Book Culture and Book Connoisseurs of Russia”.

For citation: Zaytsev, Ilya V. “Habibulla Kerem's *Destan* on the Bakhchysarai Bathhouse and the Zincirli Madrasa (Based on the *Guncha-i Efkar* Manuscript IOM RAS D 316)”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2025, vol. 22, no. 4 (iss. 63), pp. 234–242 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO692171.

About the author: Ilya V. ZAYTSEV, Dr. Sci. (History), Professor of RAS, Leading Researcher, Center for Islamic Manuscripts named after Sheikh Zayed, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow, Russian Federation) (izaycev@orientmuseum.ru). ORCID: 0000-0002-9862-8511.